

ВВЕДЕНИЕ. «ЛИГА ВОЛЬВЕБЕРА» ОХОТИТСЯ НА ГИТЛЕРА

Срочная телеграмма руководителя абвера (военная разведка) Вильгельма Канариса была адресована в Вену бригаденфюреру СС Вальтеру Шелленбергу, отвечавшему за обеспечение безопасности визита Гитлера в Австрию. В шифровке сообщалось: «Немецкое торговое судно «Кlaus Беге», следовавшее из Гамбурга в Испанию с грузом военной техники, затонуло в Северном море в результате взрыва двух бомб в грузовом отсеке. Капитан судна погиб, часть команды спаслась. Установлено, что взрывчатку на борт занесли агенты «Лиги Вольвебера». Этой варварской акцией диверсанты протестуют против аншлюса Австрии Германией. Преступники готовят покушение на фюрера».

Положив телеграмму в папку, Шелленберг быстрым шагом направился в кабинет начальника главного управления службы безопасности (СД) Рейнхарда Гейдриха. Шеф СД прибыл в Вену для переговоров с начальником секретной службы Австрии полковником Ронге. Вернувшись после очередной беседы с австрийцем, Гейдрих приказал секретарше никого к себе не пускать. Ронге принял предложение о переходе австрийской спецслужбы под германское правление, передав шефу СД актуальные дела и документы, связанные с визитом Гитлера в Австрию.

Сидевшая в приемной секретарша попыталась остановить Шелленберга, но тот, постучав в дверь и не дожидаясь ответа, решительно вошел в кабинет. Гейдрих сидел за столом, изучая документы, лежащие перед ним в толстой папке. Оторвавшись от бумаг, он поднял на вошедшего маленькие, хитрые глаза,

в которых читалось недовольство и недоумение по поводу неожиданного появления бригаденфюрера.

Шелленберг молча передал ему телеграмму Канариса. Пробежав ее глазами, Гейдрих с тревогой спросил: «Где фюрер?»

— Сейчас движется в районе Кремса. Будет здесь минут через сорок пять. Отчеты о его передвижении докладываются постоянно, — четко отрапортовал Шелленберг.

— Информировать о содержании телеграммы Мюллера.

Руководитель гестапо (тайная полиция) Генрих Мюллер следовал вместе с Гитлером, отвечая за его личную безопасность.

— Уже сделано. Мюллер сообщил о задержании трех подозрительных типов, пытавшихся взорвать мост на пути следования фюрера. Принято решение несколько изменить первоначальный маршрут поездки, — опять четко доложил Шелленберг.

— Какая наглость! Они угрожают уже покушением на жизнь фюрера, — взорвался Гейдрих. — Вальтер, поручаю тебе заняться расследованием дела этих фанатиков из лиги... Кто он такой, этот Волльвебер?.. Коммунист, авантюрист, диверсант, агент Советов?.. Как бы ни было — это враг рейха, и он должен быть разоблачен и уничтожен...

За годы совместной работы Шелленберг изучил, что нервная, прерывистая речь шефа СД свидетельствует о его крайнем раздражении и настойчивости. В таких случаях надо было быть особенно внимательным и осторожным. Честолюбивый Гейдрих ничего не забывал и обязательно требовал отчета о выполнении своих поручений, особенно если они касались врагов рейха: коммунистов, евреев, противников национал-социализма. При этом шеф СД не уставал повторять свое кредо — знать больше других всё о каждом, независимо от того, относится ли это к политической, служебной или бытовой сторонам жизни. В этом он намного превосходил своих коллег в нацистской верхушке. Каждого из них Гейдрих по секрету подкармливал сведениями, компрометирующими соперника, получая взамен дополнительную полезную информацию. В результате шеф СД стал невидимым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим.

В лице службы безопасности он создал такую машину, при помощи которой мог тайно наблюдать все стороны немецкой

жизни. Это ведомство осуществляло надзор над правительством, партией, промышленностью, культурными учреждениями, прессой. Фактически не было ни одной сферы в жизни общества, которая не находилась бы под бдительным оком СД, чья главная задача состояла в том, чтобы информировать высшее руководство обо всех оппозиционных движениях внутри страны и за границей. СД имела во всех слоях общества своих агентов, собиравших сведения о малейших признаках оппозиции, касалось ли это организаций или отдельных граждан.

Каждые две недели в берлинском штабе СД составлялся доклад о положении в Германии. На любого, чье имя упоминалось в этих отчетах, заводилось дело, сами же доклады группировались по тематическому признаку. Вернувшись из Вены, Шелленберг, памятуя о поручении Гейдриха, потребовал принести ему материалы на «Лигу Волльебера».

Как оказалось, агенты СД и гестапо уже несколько лет охотятся за членами, как говорилось в одном из донесений, «этой подпольной коммунистической организации, действовавшей по всей Европе». Волльебера пытались даже выкрасть из Дании, чтобы доставить в Германию, но акция провалилась. Среди членов лиги были немцы, датчане, шведы, голландцы, бельгийцы, французы, англичане. Группы Волльебера действовали в крупных портах и городах — Гамбурге, Бремене, Амстердаме, Копенгагене, Данциге, Роттердаме, Риге, Таллине, Осло, Стокгольме, Париже.

«В результате непрерывной слежки установлено, что в европейских странах Коминтерн создал сильную сеть своих агентов и расширил свои связи, поставив перед собой единственную цель — усилить подрывную и разведывательную деятельность против Германии, — читал Шелленберг отчет о работе СД по этому делу. — Главный центр связи находится в Стокгольме — один из самых опасных.

Для работы против рейха в первую очередь использовались бывшие руководящие функционеры Германской компартии, длительное время обучавшиеся в Москве и других городах Европы. Одному из самых ловких удалось установить связи со своими старыми товарищами по партии в Берлине и благодаря систематической работе вновь создать производственные

ячейки КПП на крупных берлинских предприятиях, выполняющих важные оборонные заказы. Целью этого предприятия было разложение персонала, подстрекательство к диверсиям и саботажу, а также ведение промышленного шпионажа. С помощью умело оборудованных курьерских вагонов инструкторы Коминтерна переправляли в Берлин из Стокгольма и Копенгагена материал, инструкции и деньги... Организация имела прямую радиосвязь с Москвой. Агенты, которым было поручено возглавлять эту тайную радиостанцию, проходили подготовку в московской радиошколе.

Тот факт, что на территории Германии силами полиции безопасности обнаружено множество террористическо-диверсионных групп, созданных по приказу Коминтерна, является показательным для позиции Советского Союза по отношению к рейху. Подготовка диверсионных актов против объектов, имеющих военное значение, мостов, подрывы железных дорог, разрушение промышленных предприятий являлись целью этих групп, состоявших целиком из коммунистов. При выполнении своих заданий они не останавливались и перед убийствами, разрабатывали планы покушений на руководителей рейха.

По достоверным сведениям известно, что руководителем этой организации является немецкий эмигрант Эрнст Волльвебер, который в 1931 году был членом руководства РГО (Красной профсоюзной организации), а в ноябре 1932 года был избран депутатом рейхстага от КПП. Эмигрировав в Копенгаген, Волльвебер в 1933 году возглавил руководство ИСХ (Интернационал моряков и портовых рабочих), который по поручению Коминтерна выполняет диверсионные акты, главным образом против немецкого торгового флота. Он несет основную ответственность за организацию и деятельность диверсионных групп, созданных по указанию Москвы в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и прибалтийских государствах... В результате деятельности этих террористических групп были совершены диверсии против 16 немецких, трех итальянских, двух японских судов. Сначала диверсанты пытались поджигать суда, но впоследствии изменили тактику, так как пожар не уничтожал их полностью, и стали применять взрывчатку против кораблей, курсирующих в Балтийском и Северном морях».

Изучив материалы о лиге, Шелленберг понял, что имеет дело с серьезным противником. Изложенные в документах факты указывали на то, что под эгидой лиги действует мощная агентурная сеть, выполняющая задания Коминтерна и советской разведки. «Рука Москвы» просматривалась в активном использовании связей с европейскими компартиями, прежде всего в Германии. Ведущую роль в руководстве этой подпольной организации играл немецкий коммунист Эрнст Волльвебер. Расследование и разоблачение агентов лиги следовало начинать со сбора подробных данных на ее руководителя и выявления его местонахождения. В устном докладе шефу СД Шелленберг предложил включить Волльвебера в список лиц, разыскиваемых спецслужбами рейха. Гейдрих согласился, и охота на «короля диверсантов» началась.

Глава I

ЮНГА ИЗ МЮНДЕНА

В уникальном кабинете истории внешней разведки при штаб-квартире СВР в Ясенево, закрытом для широкой публики, есть стенд с информацией о деятельности советской разведки в Германии и скандинавских странах в 30–40-е годы XX века. На нем представлено фото мужчины 40 лет, строгие глаза которого внимательно смотрят на посетителя. Рядом с портретом — подпись «Эрнст» и краткое уточнение: «немец, руководитель агентурной группы в скандинавских странах, Дании, Голландии, Эстонии, Латвии в 1933–1939 гг.». На витрине под стеклом выставлена награда «Эрнста» — орденская книжка «Знак почета» и сам орден. Этой награды он был удостоен 26 декабря 1968 года.

В 20–30-е годы прошлого столетия советской разведке удалось создать в Европе широкую агентурную сеть, в которой действовали несколько сотен ценных источников информации. Важную роль в становлении этой сети сыграли выдающиеся разведчики Арнольд Дейч, Теодор Малли, Эрих Такке, Арвид Харнак, Харро Шульце-Бойзен, Станислав Глинский, Рихард Зорге. В этот «звездный» ряд необходимо внести еще одну незаслуженно забытую легендарную личность — Эрнста Вольвебера, советского разведчика-нелегала, организатора, может быть, самой сильной агентурной группы, действовавшей против нацистской Германии.

Судьба названных разведчиков сложилась по-разному. Дейч погиб в 1942 году по дороге к новому месту работы на пароходе «Донбасс», потопленном немецким крейсером. Малли и Такке расстреляны в 1937–1938 годах по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Харнак и Шульце-Бойзен погибли в застенках гестапо. Зорге повесили японцы.

Волльвебер, чье имя с уважением вспоминают ветераны Службы внешней разведки, принадлежит к тем немногим выдающимся разведчикам, кто прошел все ступени службы от рядового сотрудника до одного из основателей немецкой разведки и поста министра внутренних дел бывшей ГДР. С ним работали такие известные российские разведчики, как Павел Судоплатов, Яков Серебрянский, Ян Берзин, Евгений Питовранов, Борис и Зоя Рыбкины, Иван Фадейкин. «Волльвебер произвел на меня сильное впечатление, — отмечает Судоплатов. — Немецкий коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 году. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию... После пакта Молотова–Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером. Организация Волльвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении. Волльвебер и его люди, вернувшиеся в Москву в 1941–1944 годах, помогли нам в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки. После окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял министерство госбезопасности ГДР».

Диверсионные операции, блестяще проведенные нелегальными группировками под руководством Волльвебера против военных объектов нацистской Германии, можно считать образцовыми с точки зрения разведывательного мастерства. Не случайно еще при жизни он приобрел известность как «король диверсантов». Многие страницы его жизни до сих пор скрыты завесой тайны, в которой переплетаются мифы и реальность.

Его настоящие имя и фамилия Фритц Фридрих Волльвебер. Он родился 29 октября 1898 года в доме номер 9 (сегодня 18) на улице Розенштрассе (Розовая улица) в старинном провинциальном городе Мюндене, красиво разместившемся на слиянии рек Везер, Верра и Фульда в земле Нижняя Саксония, в нескольких десятках километров от главного земельного города — Ганновера. В течение жизни ему как разведчику не раз приходилось менять имя и фамилию. Его называли Фритц Коллер, Штайн, Антон, Эрнст, Бернхард, Андерсен, Матье. Но для

большинства коллег по разведке он навсегда остался в памяти под псевдонимом Эрнст (Серьезный).

Род Волльвеберов происходит из Силезии. Отец Эрнста — Фридрих Волльвебер, родившийся в 1867 году, переехал в Германию в поисках работы. Устроившись столяром на деревообрабатывающей фабрике, он поселился в гессенском городке Зооден-Аллендорф. Там он женился на местной жительнице Элизе Штихтеннот, которая была на год старше его. В 1888 году молодая семья переехала в Мюнден, где Фридрих подыскал новую, более выгодную работу по столярному делу.

Известный немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт относит Мюнден к числу семи самых красивых городов по выгодному месторасположению. Действительно, разнообразный ландшафт на фоне гор Везера и слияния трех рек, плодородные земли, богатые пастбища, удобные пути до ближайших крупных городов Касселя, Геттингена, Ганновера делают этот старинный городок с 20 тысячами жителей неповторимым по своим природным достоинствам.

С детства Эрнста окружала средневековая история, которая веяла от крепких фахтверковых бюргерских домов, взывавших к небу готических храмов святых Блазиуса и Агидиуса, древнего замка легендарного княжеского рода Вельфов, старинных башен и крепостных ворот. Выгодный торговый путь по Везеру с выходом к морю обеспечивал Мюндену хорошее промышленное развитие. В городе работали кожевенные, металлургические, деревообрабатывающие, табачные, бумагоделательные, резиновые, сахарные, химические заводы и фабрики. Многие мюнденцы занимались кузнечным, столярным, кожевенным ремеслом, трудились в порту, на пароходах.

Развитая индустрия обусловила наличие в городе сильного рабочего класса. Ганновер, Бремен, Гамбург, Мюнден считались важными опорными центрами немецкой социал-демократической партии, особенно ее левого крыла. Перед Первой мировой войной каждый пятый избиратель отдавал на выборах в рейхстаг свой голос социал-демократам. Большой популярностью среди мюнденских рабочих пользовалась ежедневная газета «Бремер бюргер-цайтунг» — «Бюргерин» («Гражданочка»), как кратко, по-свойски называли ее местные обитатели. В этом органе

СДПГ публиковались статьи Вильгельма Пика, Розы Люксембург, Франца Меринга, Иоганна Книфа, Карла Радека, который в этот период жил в Бремене.

Отец Волльвебера — убежденный социал-демократ — был постоянным читателем этой газеты. Он принимал активное участие в избирательных кампаниях СДПГ: выступал на собраниях по месту работы, посещал дома избирателей, распространял «Бюргерин», социалистическую литературу. Социал-демократическая ориентация отца передалась и его сыну, который охотно участвовал в общественных мероприятиях молодежной организации этой партии «Социалистическая рабочая молодежь». Это та среда обитания, в которой будущий разведчик рос и воспитывался, где кроются истоки присущего ему левого демократического, антифашистского политического мировоззрения, трудолюбия, целеустремленности, находчивости, упорства в отстаивании собственных интересов, изворотливости, воли, рациональной организации дела, умения приспосабливаться к сложным условиям.

Жизнь Волльвеберов в Мюндене поначалу складывалась удачно. Они поселились в типичном немецком доме на улице Бургштрассе. Семья росла. Отец, трудившийся на строительной фирме «Баухоф», хорошо зарабатывал. У Эрнста, третьего ребенка в семье, было два брата: Карл, Аугуст и три сестры: Софи, Эльзе, Мари. Но затем в стране начался период спада производства, фирма «Баухоф», испытывая экономические трудности, приступила к увольнениям. Рабочие бастовали. Отец, как убежденный социал-демократ и профсоюзный деятель, принимал в забастовках самое активное участие и поэтому оказался в списке «конфликтных лиц», попавших под сокращение штатов. В это время на фирме случился пожар. Отец был арестован по подозрению в поджоге и, хотя вина его доказана не была, оказался в тюрьме. Отсидев небольшой срок, вернулся домой без средств к существованию, без работы, замкнутым и каким-то надломленным морально и физически. С большим трудом ему удалось устроиться уборщиком мусора — труд, за который платили гроши и который был унижителен для высококлассного столяра. Жизненные невзгоды привели к тому, что отец стал все чаще прикладываться к рюмке и скоро превратился в горького пьяницу.

Падение отца, происходившее на глазах у детей из-за конфликта с хозяевами фирмы, несправедливого судопроизводства, оставило глубокий след в сознании Эрнста. В этом кроется причина его критического восприятия основ кайзеровского режима в Германии. В школе его интересуют не столько занятия учебными предметами, сколько статьи и книги революционного содержания. Муштра, косность школьного воспитания вызывают у него резкий протест. Он пропускает уроки, участвуя вместо занятий в забастовках и демонстрациях рабочих. В нем рано обнаруживается талант незаурядного оратора. Эмоциональные речи на собраниях, азартная игра в футбол выдвигают Эрнста в предводители рабочей молодежи Мюндена. По его инициативе устраиваются молодежные сходки в пригородном лесу, на которых под гитару поют революционные песни, обсуждают актуальные события противостояния рабочих и работодателей, распространяют прокламации и листовки с требованиями забастовочных комитетов.

Если в общественной жизни Эрнст преуспевает, то в учебе дела складываются неважно. Из-за нарушений дисциплины, пропуска уроков, критического отношения к предметам учителя часто наказывают его, снижают ему оценки за поведение и успеваемость, мотивируя это «слабым прилежанием». Дома он натывается на недовольство и ругань со стороны родителей.

Весной 1912 года Эрнсту выдали свидетельство об окончании семилетней школы. Посмотрев на документ, он нахмурился и пошел разыскивать своих закадычных друзей Отто Майера и Карла Риеса. Потом они вспоминали: Фритц пригласил их на сходку — отметить завершение учебы. В лесу разожгли костер, начали бросать в огонь тетради и потрепанные учебники. Три пары ребячьих глаз неотрывно следили за тем, как языки пламени весело охватывают исписанные листы бумаги, превращая их в пепел. Вдруг Вольвебер вынул из портфеля свидетельство и кинул его в огонь.

— Фритц, что ты делаешь!? — испуганно закричали приятели, но было уже поздно: документ сгорел.

Эта ребяческая выходка имела для него серьезные последствия. Без свидетельства было трудно устроиться на работу. А положение в семье, состоявшей из восьми человек, ухудша-

лось. Отец почти всю зарплату пропивал. Выручала мать, с детства приучавшая детей к труду. Она подрабатывала стиркой белья, пекла булочки и продавала их на базаре. В этом ей помогали дочери и сыновья, разносившие корзины с бельем и выпечкой заказчикам. Выручки от этого едва хватало на питание. Поэтому Эрнст по вечерам подрабатывал еще продажей газет. В автобиографии Волльвебер пишет: «Мой отец был столяром, одним из основателей профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности в родном городе. За отстаивание прав членов профсоюза он часто подвергался гонениям со стороны властей и монополистов. Моя мать, происходившая из крестьянской среды, вынуждена была, учитывая большую семью из восьми человек, подрабатывать прачкой. Я, мои братья и сестры также должны были с семи лет трудиться. Рано утром разносили выпеченные матерью булочки, после обеда — обувь клиентам знакомого сапожника, а вечером я продавал газеты. Кроме того, приходилось заготавливать в лесу дрова, собирать уголь на вокзале для обогрева дома. Вечером продавал на улице газеты».

За каждый проданный экземпляр Эрнст получал один пфенниг и бесплатный номер газеты. Чаще всего он выбирал «Бремер бюргер-цайтунг». Это приучило его к регулярному чтению прессы. Особый интерес у него вызывали сообщения о революционных событиях в России, Португалии, выступлениях видных социал-демократических деятелей: К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин, К. Каутского. Симпатии Волльвебера были на стороне левых социал-демократов.

Профессиональная неустроенность Эрнста после окончания школы, постоянные поиски случайного заработка, нужда привели к тому, что его отношения с родителями осложнились. Отец грозил наказанием за непослушание, мать упрекала за безделье и «вольное поведение». Жить в семье стало невыносимо, и он уходит из дома.

Пятнадцатилетний юноша едет в Гамбург, где устраивается грузчиком на вокзале, потом в порту, который поразил его огромными масштабами причалов, необычной скученностью многочисленных складов, темпераментной деловой жизнью. Ежедневно в порт, доступный в любое время года, прибывали сотни судов из всех стран мира. Кажется, все здесь находилось в по-

стоянном движении, ощущалась романтика дальних странствий, трудовой ритм. «Поле деятельности — весь мир» — гласил девиз на здании крупнейшего судоходного предприятия. Действительно, в гамбургском порту Эрнст впервые увидел, почувствовал размах современного крупного портового города. Наверное, не было в Гамбурге уголка, в котором бы он не побывал. Чаше всего его можно было видеть в районе Бланкензее, где на высоком берегу Эльбы селились лощманы, рыбаки. По вечерам гулял по Реепербану — центру развлечений с барами, кафе, каруселями, опереттой, театрами, музеями, расположенными поблизости колоритными понтонами-дебаркадерами. Здесь Эрнст близко знакомится с портовыми рабочими, моряками, матросским бытом, который станет для него привычным на многие годы. В дружеских беседах с грузчиками он не раз слышал рассказы о деятельности гамбургского рабочего вожака Эрнста Тельмана, с которым через несколько лет будет активно участвовать в революционной борьбе. В биографии Волльебер рассказывает, как вместе с коллегами из «Социалистической рабочей молодежи» организовал однодневную забастовку буксиров в Гамбурге, в ходе которой распространялись материалы с требованиями о повышении зарплаты, улучшении условий труда, освобождении несправедливо осужденных портовых рабочих.

Моряки помогают устроиться Эрнсту юнгой на буксир. Так началась его долгая морская карьера. Матросский быт пришелся ему по душе. Тяжелая физическая работа, «соленые» словечки, грубоватый юмор не пугали, а закаляли его. Он должен был вставать первым чуть свет, разводить огонь и готовить завтрак. Если просыпал или не успевал подать еду ко времени, получал порцию подзатыльников и предупреждение об увольнении. Целый день был на ногах, выполняя обязанности швартовного: то привязывая, то отвязывая толстый канат у пристаней. За этот труд ему платили 30 марок в месяц.

Жарким июньским днем 1914 года буксир стоял под погрузкой в бременском порту. Эрнст, дежуривший на палубе, следил за ходом работ и просматривал газеты, публиковавшие на первых полосах фотоснимки кайзера Вильгельма II, который в форме адмирала руководил с корабля “Гогенцоллерн” гонками судов на морском празднике — Кильской неделе. В одном из репорта-

жей рассказывалось, как в самый разгар гонок к кораблю подъехала моторная лодка, просигналив, что хочет причалить. Кайзер, целиком поглощенный соревнованиями, сделал знак, чтобы его оставили в покое. Но офицер в лодке не унимался, настойчиво требовал принять его. Он поднял в руке какую-то бумагу и, вложив ее в портсигар, бросил на палубу. Вся свита Вильгельма была поражена такой неслыханной дерзостью. Адъютант поднял портсигар и, обнаружив в нем телеграмму, передал ее кайзеру.

«Три часа тому назад, — прочел Вильгельм, — в Сараево убиты эрцгерцог и его жена». Это убийство, случившееся 28 июня 1914 года, послужило толчком к началу Первой мировой войны, в которую были вовлечены 38 стран. Русско-германский фронт стал одним из основных. Уже в августе капитан и боцман буксира получили повестки о призыве в армию.

Эрнст для службы был еще молод. Буксир пришлось поставить на прикол. Перед убытием на фронт капитан помог Волльвеберу устроиться боцманом на пароход бременской фирмы «Везер унд Каналшиффарт». Два военных года он перевозил уголь, руду, трофейное имущество, захваченное немецкой армией в Бельгии, Франции, России. Особенно охотно доставлялись грузы с одеждой, бытовой техникой, поскольку кое-что из этого товара перепадало матросам. «Мы научились незаметно вскрывать запломбированные контейнеры и брать свою долю из захваченного имущества», — вспоминал Эрнст.

Военные действия не приносили окончательной победы ни той, ни другой стороне. Оба воюющих лагеря стали чувствовать потребность скорее закончить войну. К этому побуждали две основные причины: истощение военных ресурсов и рост революционного настроения народных масс. Отец Эрнста писал с фронта о бессмысленности и жестокостях военных действий. Он ругал правящую верхушку и поддерживающих ее правых социал-демократов, стремящихся изобразить эту грабительскую войну народной и оборонительной. В том, что кайзер и его окружение распространяют корыстную ложь относительно характера войны, Эрнст мог убедиться и сам на конкретном примере.

Как-то ему довелось присутствовать на выступлении Вильгельма перед рабочими рурских заводов в Эссене. Кайзер стоял перед ними в костюме защитного цвета. В большом зале, наби-